

УДК 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2018.2.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.8)

Исследование национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России

Ася С. Берберян¹, Оксана Р. Тучина^{2*}

¹ Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения

² Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Российская Федерация

* E-mail: tuchena@yandex.ru

Аннотация

Введение. Авторы обосновывают возможность и необходимость изучения национальной идентичности как собственно психологического феномена с позиций субъектного подхода. Новизна исследования заключается во введении в научный обиход и обосновании с позиций субъектного подхода концепта исторического опыта личности, а также в выявлении особенностей взаимосвязи национальной идентичности и исторического опыта в зависимости от социокультурной ситуации (принадлежности к титульному этносу или диаспоре). Цель статьи – исследование взаимосвязи национальной идентичности и исторического опыта армянской молодежи в титульном этносе и армянской диаспоре России.

Методы. Описываются этапы исследования, включавшие в себя исследование национальной идентичности и исторического опыта респондентов при помощи таких методик, как: вопросник программы Международного социального опроса (адаптация Л. К. Григорьян); «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова); «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью» (Н. М. Лебедева); «Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности» (Н. М. Лебедева); авторская анкета исследования исторического опыта.

Результаты. В исследовании не выявлены значимые различия выраженности этнической и гражданской идентичностей в исследуемых группах, однако показана разная взаимосвязь исследуемых компонентов национальной идентичности. Исследование представителей титульного армянского этноса показало отрицательную связь уровня национализма с оценкой чувств, связанных с этнической принадлежностью, позитивной этноидентичностью, этноизоляционизмом, выраженностью этнической идентичности, и положительную связь – с этнонигилизмом, этноиндифферентностью и этноэгоизмом. Исследование особенностей исторического опыта выявило, что при определенном совпадении «точек

кристаллизации» исторического опыта исследуемых групп есть существенные различия: представление об исторических событиях и знаковых исторических личностях Армении более дифференцированное и многогранное в титульном этносе.

Обсуждение результатов. Делается вывод о роли исторического опыта в формировании и сохранении общности; характеризуются особенности взаимосвязи исторического опыта и национальной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре.

Ключевые слова

исторический опыт, историческое сознание, историческая память, национальная идентичность, этническая идентичность, нормы, ценности, субъектный подход, титульный этнос, диаспора

Основные положения

- ▶ субъектный подход может служить методологическим основанием изучения исторического опыта личности как собственно психологического феномена;
- ▶ исторический опыт значимо влияет на особенности национальной идентичности личности, психологическим основанием формирования и сохранения общности является гордость за свой народ в определенных исторических ситуациях;
- ▶ переживание чувства гордости за историю своего народа у армянских респондентов из России и Армении связано с разными элементами национальной идентичности: в группе респондентов из Армении – с выраженностью этничности и гордостью за свою этническую группу, а у российских армян – с гордостью за этническую группу, уровнем патриотизма и позитивной этноидентичностью.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-26-20001 а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

Для цитирования

Берберян А. С., Тучина О. Р. Исследование национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 2. С. 190–214. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.8

Материалы статьи получены 01.04.2018

UDC 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2018.2.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.8)

Studying National Identity and Personal Historical Experience in the Titular Armenian Ethnic Group and in the Armenian Diaspora in Russia

Asya S. Berberyan¹, Oksana R. Tuchina^{2*}

¹ Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

² Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: tuchena@yandex.ru

Abstract

Introduction. Studying the psychological phenomenon of national identity from the subjective perspective merits special attention. This paper: (a) introduces a new concept of personal historical experience and (b) provides justification for this concept within the framework of the subjective analysis. The paper main objective is to investigate the relationship between national identity and historical experience of Armenian youth depending on a socio-cultural situation – whether they belong to the titular Armenian ethnic group or to the Armenian diaspora in Russia.

Methods. The study of respondents' national identity and personal historical experience included several stages and employed the following assessment techniques: (a) the International Social Survey Program modified by L. K. Grigor'yan; (b) the Ethnic Identity Types technique by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova; (c) the Scale for Rapid Evaluation of Ethnicity Feelings by N. M. Lebedeva; (d) the Scale for Rapid Evaluation of Ethnic Identity Manifestation by N. M. Lebedeva; and (e) the Questionnaire for Studying Historical Experience developed by the authors.

Results. The study failed to find significant difference in manifestations of ethnic and civil identity in the participating groups. However, the investigated components of national identity showed various interrelations. The level of nationalism among representatives of the titular Armenian ethnic group was negatively associated with the evaluation of ethnicity feelings, positive ethnic identification, ethnic isolationism, and the degree of manifestation of ethnic identity and positively associated with ethnic nihilism, ethnic indifference, and ethnic egoism. The findings of the study of personal historical experience suggest that, though both study groups have an overlap in 'crystallization points', they also differ substantially: the representatives of the titular ethnic group have more differentiated and multi-faceted notions about historical events and prominent historical figures of Armenia.

Discussion. The paper concludes with the discussion of characteristics of the relationships between personal historical experience and national identity in the titular ethnic group and the related diaspora. Personal historical experience facilitates the formation and preservation of national unity.

Keywords

historical experience, historical consciousness, historical memory, national identity, ethnic identity, norms, values, subjective approach, titular ethnos, diaspora

Highlights

- ▶ The subjective perspective can be a methodological foundation for studying personal historical experience as a psychological phenomenon.
- ▶ Historical experience substantially affects the characteristics of national identity. People's pride for their nation in certain historical events is a psychological foundation for the formation and preservation of national unity.
- ▶ Different elements of national identity underlie the feeling of national pride in Armenian respondents from Russia and Armenia. These are ethnicity and pride for the ethnic group among the respondents from Armenia and pride for the ethnic group, but also the level of patriotism and positive ethno-identity among the respondents from Russia.

Acknowledgments

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research through the program for studying Psychological Aspects of Self-Understanding of National Identity in the Context of Historical Experience in the Post-Soviet Space: A Study of Young People in Russia and Armenia (project no. 16-26-20001 a(m)).

For citation

Berberyana A.S., Tuchina O.R. Studying National Identity and Personal Historical Experience in the Titular Armenian Ethnic Group and in the Armenian Diaspora in Russia. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 2, pp. 190–214 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.2.8

Original manuscript received 01.04.2018

Введение

Национальная идентичность, определяющая ответственность человека за судьбу своей Родины, является существенной чертой зрелой личности. При этом национальная идентичность придает человеку особое темпоральное измерение, предполагает одновременно личностную связь с историческим прошлым своего народа и формирование личностного проекта, реализация которого связана с настоящим и будущим своей страны, что определяет субъектную позицию человека. В настоящее время в научном дискурсе возникла тенденция рассматривать национальную идентичность как многомерный концепт, в котором в разной степени присутствуют этнический, государственный, гражданский, социокультурный аспекты. Конфигурация

национальной идентичности определяется особенностями исторического развития общности, политическими, геополитическим условиями, а также конкретной социокультурной ситуацией [1].

В связи со сложностью и разноплановостью феномена национальной идентичности возникает проблема его изучения с позиций психологической науки, выявление его собственно психологического содержания и поиск адекватных инструментов исследования. Субъектный подход, по нашему мнению, может стать методологическим основанием изучения национальной идентичности как собственно психологического феномена. С позиций психологии человеческого бытия и субъектно-бытийного подхода достижение единства личности в многообразии ее идентификаций возможно через интериоризацию свойственных данным идентификациям ценностей, объективацию личностного смысла, который является психологическим механизмом реализации личности [2]. В субъектно-бытийном подходе определяется глобальная личностная интенция – «поддерживать и расширять свое бытие» [2, с. 297], значимым регулятором поведения человека является направленность личности на поддержку своего чувства идентичности, «которое обеспечивается достижением и сохранением адекватности ее внутреннего, смыслового плана внешне активно выстраиваемым личностью пространством бытия» [2, с. 341].

Национальная идентичность личности также нуждается в поддержке, особенно в современной политической и социокультурной ситуации, создающей новые угрозы идентичности, в том числе и с помощью средств виртуальной реальности. Эмоциональной составляющей национальной идентичности является переживание своей принадлежности к гражданской общности. Самоотождествление человека со страной, положительное в целом восприятие ее исторического опыта и перспектив развития констатируют позитивную национальную идентичность личности. Позитивная национальная идентичность может сопровождаться критичным отношением субъекта к прошлому и настоящему страны, к ее государственным образованиям, но при этом критический настрой человека не переходит грани, за которой идентификация с национальной общностью превращается в отрицание ее исторического опыта и стремление перечеркнуть ее существование путем разрушения политических институтов. Исторический опыт является одним из основных способов поддержки национальной идентичности личности. Вслед за Ф.Р. Анкерсмитом мы определяем его в качестве непосредственного переживания как исторического события, так и временной дистанции между прошлым и настоящим [3]. Поскольку в современном научном дискурсе более разработанными являются концепты исторического сознания и исторической памяти, концептуализация феномена исторического опыта

с позиций субъектно-бытийного подхода целесообразна в соотношении с данными феноменами [4].

Историческое сознание можно рассматривать как форму осознания прошлого, связанную с переживанием сакральности прошлого; при этом исторические события обладают разной степенью значимости, что обусловлено общественной целесообразностью и объективной необходимостью на каждом отрезке исторического развития народа [5, 6]. В историческом сознании присутствует определенная архитектура ценностно-смысловых доминант того, что сбылось, что определяет онтологическую устойчивость народного «есть», правду его бытия, и потому имеющая для народа сакральный характер. Ключевым в феномене исторического сознания является ощущение связи времен, сакральность прошлого обеспечивает преемственность исторической традиции народа и является важнейшей составляющей самоидентификации социума в целом и каждого его представителя [7, 8].

Историческая память является тем пространством, в котором формируется историческое сознание человека, его этнокультурная и национальная идентичности, наделяющие человеческое бытие конкретными смыслами и ориентирами. Это продукт группового сознания, в котором сосредоточено знание о существенно важном национальном прошлом, обладающем сакральной значимостью и формирующем преемственность исторической традиции народа. Историческая память, таким образом, выступает своеобразным стабилизатором в наиболее сложные, переходные периоды развития общества [9].

Исторический опыт как особый феномен включает в себя не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии, что определяет собственно психологическое содержание данного феномена [10]. Мы предлагаем рассмотреть феномен исторического опыта с позиций психологии человеческого бытия как грань экзистенциального опыта личности, под которым подразумевают комплекс персонально значимых концептов, семантически соотнесенных с самой личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов неких событий и обстоятельств прошлого, раскрывших свои значения данному человеку, что приводит к новому рубежу личностной зрелости [11]. Обращаясь к прошлому, человек получает возможность выйти за пределы своей биографической конечности, осмыслить свою жизнь как звено в цепи, соединяющей прошлое и будущее, что порождает такие чувства и переживания, как ностальгия, гордость, боль, стыд [12]. При осмыслении событий прошлого человек сталкивается с экзистенциальной проблемой, в решении которой он пытается найти смысл определенного исторического события как для общности, к которой он себя относит, и для себя лично как для представителя данной общности [13].

Определенные исторические события, значимые для всей общности и вызывающие наиболее сильный эмоциональный отклик, можно определить как «точки кристаллизации» исторического опыта. Выбор именно этих исторических вех из всех событий прошлого и отношение к этим событиям, по нашему мнению, значимо влияют на особенности национальной идентичности: с одной стороны, содержание исторического опыта задает возможности и ограничения для работы с коллективной идентичностью, с другой, именно идентичность является определяющим фактором при переосмыслении прошлого и включении его в оценку настоящего в структуре национальной идентичности [14].

В последнее время в социальных науках зафиксирован возрастающий интерес исследователей к проблеме национальной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре [15, 16, 17, 18, 19]. Как показали результаты современных исследований, при наличии общей культурной традиции диаспора представляет собой специфический социально-психологический феномен, который формируется на основе взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех акторов: диаспоры, принимающей страны и страны исхода [20].

Диаспора формирует идентичность на основании одновременно воспоминаний и представлений о стране исхода и реальной социальной ситуации. Поскольку научная категория «диаспора», также как и категория «нация», являются сложными конструктами, состоящими из ряда взаимосвязанных компонентов (этнического, культурного, территориального, экономического, политико-правового), то разные направления исследований делают акцент на определенных аспектах данных концептов, обосновывая их важность и значимость [21]. Так, Й. Шейн в деятельности диаспоры ставит на первое место политический компонент, называя диаспоры политическим феноменом [22]. У. Сафран в качестве важнейшей характеристики диаспоры выделяет сопричастность Родине [17]; наличие крепких институциональных связей между Родиной и диаспорой, по мнению Х. Толояна, отличает диаспору от этнической группы [23, 24]. Р. Хеттлаге рассматривает диаспору через географическое распыление этнических групп, принадлежащих к тому же этносу, но проживающих отдельно от других групп, в более тяжелых условиях [25]. Данное направление продолжает исследователь А. Брах, определяющий диаспору как место формирования общности, которая является долгосрочной, даже в случае переезда некоторых ее членов или семьи. По его мнению, именно диаспорой определяется матрица экономических, культурных, политических взаимоотношений, которые лежат в ее основе. Он отмечает постепенную эволюцию диаспоры не только по мере усвоения коллективной и индивидуальной памяти, но и трансформации приобретенного опыта, что имеет ключевое значение для контекста нашего исследования [26].

По мнению ряда исследователей, создавать диаспоры способны только этносы, «устойчивые к ассимиляции», что обеспечено наличием «стержня», в качестве которого выступают национальная идея, религия или историческая память [27], поскольку самоопределение части этноса как диаспоры связано с коллективной памятью, предотвращающей «культурные забывания» и сохраняющей диаспору как целое, как единый организм [20].

Цель статьи – обосновать с позиций субъектного подхода концепт исторического опыта личности, а также выявить особенности взаимосвязи национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России.

Гипотеза исследования: социокультурная ситуация (принадлежности к титульному этносу или диаспоре) значимо влияет на особенности взаимосвязи национальной идентичности и исторического опыта молодых представителей армянского этноса.

Методы

Методологическим основанием исследования национальной идентичности является субъектно-бытийный подход к изучению личности, в рамках которого национальная идентичность рассматривается как нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве гражданской общности, а актуализация исторического опыта личности может рассматриваться как один из основных способов поддержки национальной идентичности личности.

Описание выборки и процедуры исследования

В исследовании приняли участие 199 армянских респондентов из Армении, из которых 81 мужчина и 118 женщин в возрасте от 18 до 25 лет, 105 армянских респондентов из Краснодарского края России, из которых 46 мужчин и 59 женщин в возрасте от 18 до 25 лет.

Поскольку мы рассматриваем национальную идентичность как многомерный концепт, включающий гражданскую и этническую составляющие, были использованы методики изучения гражданской и этнической идентичностей. Исследование гражданской идентичности проводилось при помощи программы Международного социального опроса (адаптация Л.К. Григорьян) [28]. Исследование этнической идентичности респондентов проводилось при помощи методик: «Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности» (автор Н.М. Лебедева), «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью» (автор Н.М. Лебедева), «Типы этнической идентичности» (авторы Г.У. Солдатов, С.В. Рыжова). Для изучения особенностей исторического опыта применялась авторская анкета, изучающая ряд аспектов данного явления, основные из которых следующие:

- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство гордости, насколько сильно это чувство (по 5-ти балльной шкале);
- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство горечи и боли, насколько сильно это чувство (по 5-ти балльной шкале);
- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство вины и стыда, насколько сильно это чувство (по 5-ти балльной шкале);
- персонификация образа представителя народа.

Результаты

Исследование выраженности типов этнической идентичности респондентов по методике Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой выявило достаточно высокий уровень выраженности этнической идентичности обеих исследуемых групп; соответственно, связанные с этнической принадлежностью чувства респондентов можно охарактеризовать как гордость за свой народ. Как показали результаты исследования, позитивная этническая идентичность является ведущим типом этнической идентичности в каждой группе, уровень этнической индифферентности в обеих группах ниже среднего. Уровень выраженности гражданской идентичности по обоим параметрам (национализм и патриотизм) в исследуемых группах выше среднего. Значимых различий выраженности этнической и гражданской идентичностей при сравнении исследуемых групп не выявлено (таблица 1).

Таблица 1. Результаты исследования особенностей этнической и гражданской идентичностей армянских респондентов

Table 1. Characteristics of Armenian respondents' ethnic and civil identities

<i>Исследуемые параметры</i> <i>Investigated parameters</i>		<i>Армяне в Армении</i> <i>Armenians in Armenia</i>		<i>Армяне в России</i> <i>Armenians in Russia</i>		<i>p</i>
		<i>Ср. зн.</i> <i>Mean value</i>	<i>Ст. откл.</i> <i>Standard deviation</i>	<i>Ср. зн.</i> <i>Mean value</i>	<i>Ст. откл.</i> <i>Standard deviation</i>	
Гражданская идентичность <i>Civil identity</i>	Патриотизм <i>Patriotism</i>	30,73	6,46	36,3	4,4	0,47
	Национализм <i>Nationalism</i>	22,13	4,21	23,3	3,6	0,83

Исследуемые параметры <i>Investigated parameters</i>		Армяне в Армении <i>Armenians in Armenia</i>		Армяне в России <i>Armenians in Russia</i>		p
		Ср. зн. <i>Mean value</i>	Ст. откл. <i>Standard deviation</i>	Ср. зн. <i>Mean value</i>	Ст. откл. <i>Standard deviation</i>	
Типы этнической идентичности <i>Types of ethnic identity</i>	Позитивная идентичность <i>Positive identity</i>	14,09	4,01	14,6	3,1	0,89
	Этнофанатизм <i>Ethnic fanaticism</i>	11,76	4,13	11,2	4,4	0,91
	Этноизоляционизм <i>Ethnic isolationism</i>	10,1	3,46	5,4	2,2	0,25
	Этноэгоизм <i>Ethnic egoism</i>	7,94	3,62	6,1	2,9	0,71
	Этническая индифферентность <i>Ethnic indifference</i>	6,50	3,54	4,2	1,6	0,56
	Этнонигилизм <i>Ethnic nihilism</i>	5,41	3,75	2,2	0,8	0,42
Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью <i>Evaluation of ethnicity feelings</i>		4,54	0,85	4,62	0,53	0,93
Оценка выраженности этнической идентичности <i>Evaluation of ethnic identity manifestation</i>		4,17	0,83	4,6	0,4	0,64

Корреляционный анализ результатов исследования респондентов из Армении и России показал, что составляющие национальной идентичности в исследуемых группах по-разному связаны между собой (таблица 2).

Таблица 2. Корреляционная матрица результатов исследования этнической и гражданской идентичностей армянских респондентов

Table 2. Correlation matrix of the results of studying ethnic and civil identities of Armenian respondents

Исследуемые параметры <i>Investigated parameters</i>		Армяне в Армении <i>Armenians in Armenia</i>		Армяне в России <i>Armenians in Russia</i>	
		Гражданская идентичность <i>Civil identity</i>		Гражданская идентичность <i>Civil identity</i>	
		Патриотизм <i>Patriotism</i>	Национализм <i>Nationalism</i>	Патриотизм <i>Patriotism</i>	Национализм <i>Nationalism</i>
Типы этнической идентичности <i>Types of ethnic identity</i>	Позитивная идентичность <i>Positive identity</i>	-0,22	-0,16	0,34	0,27
	Этнофанатизм <i>Ethnic fanaticism</i>	0,01	0,07	0,07	0,08
	Этноизоляционизм <i>Ethnic isolationism</i>	-0,10	-0,23	0,01	0,07
	Этноэгоизм <i>Ethnic egoism</i>	0,09	0,27	0,07	0,08
	Этническая индифферентность <i>Ethnic indifference</i>	0,05	0,30	0,07	0,05
	Этнонигилизм <i>Ethnic nihilism</i>	0,15	0,19	-0,22	-0,24

Исследуемые параметры <i>Investigated parameters</i>	Армяне в Армении <i>Armenians in Armenia</i>		Армяне в России <i>Armenians in Russia</i>	
	Гражданская идентичность <i>Civil identity</i>		Гражданская идентичность <i>Civil identity</i>	
	Патриотизм <i>Patriotism</i>	Национализм <i>Nationalism</i>	Патриотизм <i>Patriotism</i>	Национализм <i>Nationalism</i>
Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью <i>Evaluation of ethnicity feelings</i>	0,12	-0,23	0,27	0,10
Оценка выраженности этнической идентичности <i>Evaluation of ethnic identity manifestation</i>	0,12	-0,26	0,06	0,06

Примечание: полужирным шрифтом выделены значимые связи ($p \leq 0,05$).

Note: significant correlations are shown in bold ($p \leq 0.05$).

На следующем этапе исследования были изучены особенности исторического опыта респондентов из России и Армении, а также связь между особенностями этнической и гражданской идентичностей и выраженностью исторического опыта.

В каждой исследуемой группе были выявлены «точки кристаллизации» исторического опыта, т. е. исторические события, вызывающие наиболее сильный эмоциональный отклик. При определенном совпадении «точек кристаллизации» исторического опыта данных групп были выявлены существенные различия. Анализ ответов представителей титульного этноса показал, что у них более дифференцированное представление об исторических событиях: они указали более 30 событий, вызывающих чувство гордости, тогда как представители диаспоры указали всего 9.

Коренные жители Армении среди главных событий указали следующие: Карабахское движение (13,2% респондентов), принятие христианства

Арменией (8,7%), Аварайрская битва (8,5%), провозглашение 3-ей Армянской республики (8,3%), создание армянской письменности (6,7%), Апрельская война 2016 года (6,4%), период царствования Тиграна II Великого (5,8%), Майские героические сражения (5,4%), Великая Отечественная война (3,3%).

У представителей армянской диаспоры исторические события, вызывающие чувство гордости, представлены как событиями истории армянского народа, так и России и Советского Союза: Великая Отечественная война (89,7%), принятие христианства Арменией (32%), первый полет в космос (26%), возвращение Крыма в состав РФ (18,2%), сопротивление народа во время армянского геноцида (12,7%).

Исследование представления респондентов об исторических событиях, вызывающих чувство горечи и боли, показало, что «болевой точкой» для армянских респондентов являются события 1915 года (38,36% респондентов из Армении и из России), при этом коренные жители Армении назвали более 50-ти событий, главные из которых Апрельская война 2016 года (8,49%), землетрясение в Армении в 1988 г. (6,85%), Сумгаитские и Бакинские погромы в 1988 г. (6,03%), Карабахская война (4,11%), а представители диаспоры – всего 6.

Анализ ответов на вопрос «Какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство вины и стыда?» показал, что геноцид 1915 года для коренных жителей Армении – очень неоднозначное событие, вызывающее не только скорбь, но и стыд (9,13%). Такие же чувства вызывают у респондентов предательство Васака Сюни (7,22%), нынешнее состояние страны (6,08%), потеря территории в результате апрельской войны 2016 года (4,94%). Представители диаспоры гораздо реже склонны оценивать исторические события через призму данных эмоций, 13,4% респондентов вообще не отметили таких событий.

«Точками кристаллизации» исторического опыта личности и группы являются не только исторические события, но и исторические личности, олицетворяющие народ. Наличие в массовом сознании стереотипных представлений о символах и широко распространенных образах национальных реальных и вымышленных героев, а также четко сформированный лаконичный образ представления своего народа как единой целостной характеристики, единение на почве общего героизма и завоеваний – определяют значимость исторического опыта в формировании этнического самосознания личности.

Анализ результатов опроса респондентов о том, каких исторических личностей они считают олицетворением своего народа, показал как существенное сходство представлений о «настоящем армянине», так и различия в группах представителей диаспоры и титульного этноса. Коренные жители Армении в качестве «олицетворения армянского народа» рассматривают

разные исторические персоны: политиков, полководцев, деятелей науки и искусства (более 50-ти имен). В качестве лучших представителей народа, его олицетворения, в сознании респондентов выступают, прежде всего, правители, полководцы и лидеры национально-освободительного движения. Наиболее значимой исторической фигурой для респондентов является Тигран Великий, создатель Великой Армении, «собиратель армянских земель» (его назвали 59,2% респондентов). Значительным количеством респондентов были названы Вардан Мамиконян, предводитель восстания армян против иранских Сасанидов, пытавшихся навязать зороастрийскую религию (21,1%), Андраник Озаян, один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX – начала XX вв. (13,5%), Гарегин Нжде, армянский военный и государственный деятель, основоположник цехахронизма – концепции армянской националистической идеологии (25%).

Значительное место в представлениях респондентов об армянском народе занимают просветители и деятели церкви, оказавшие значительное влияние на формирование этнокультурной идентичности армян: создатель армянского алфавита, основоположник литературы и письменности, святой Армянской апостольской церкви и Армянской католической церкви Месроп Маштоц (30%), первый Католикос всех армян Святой Григорий Просветитель (18%), поэт и писатель Ованес Туманян (24%).

Армянские респонденты из диаспоры представителями своего народа считают, прежде всего, российских и советских исторических деятелей, затем представителей армянского народа и, наконец, этнических армян – представителей диаспор (менее 20-ти имен): В.В. Путин (74%), Петр I (71,2%), И.В. Сталин (54%), В.И. Ленин (48%), Тигран II Великий (46,6%), Месроп Маштоц (39,4%), М.И. Кутузов (31%), А.В. Суворов (29,7%), Г.К. Жуков (29,7%), А.С. Пушкин (22%), Арам Хачатурян (18%), Шарль Азнавур (16%), Гарегин Нжде (12%), Ованес Баграмян (10%).

Для выявления выраженности исторического опыта респонденты оценивали чувства гордости, горечи и боли, а также вины и стыда, которые вызывают определенные исторические события (от 1 до 5 баллов). Проведенный корреляционный анализ результатов оценки выраженности этих чувств выявил отсутствие значимых связей в исследуемых группах.

Сравнение результатов исследования интенсивности переживания исторического опыта респондентов показало значимое различие в выраженности чувства вины и стыда в группах армян из Армении и армян из России ($p \leq 0,05$) (таблица 3).

Результаты корреляционного анализа исследуемых групп показали разную связь интенсивности переживания исторического опыта и элементов национальной идентичности респондентов из Армении и России.

Таблица 3. Результаты исследования выраженности исторического опыта армянских респондентов

Table 3. Manifestation of personal historical experience among Armenian respondents

Исследуемые группы <i>Participating groups</i>		Выраженность исторического опыта <i>Manifestation of personal historical experience</i>		
		Чувство гордости <i>Feeling of pride</i>	Чувство вины и стыда <i>Feelings of guilt and shame</i>	Чувство горечи и боли <i>Feelings of bitterness and pain</i>
Армяне в Армении <i>Armenians in Armenia</i>	Ср. зн. Mean value	4,81	4,51	4,95
	Ст. откл. Standard deviation	0,51	1,7	0,21
Армяне в России <i>Armenians in Russia</i>	Ср. зн. Mean value	4,53	1,9	3,1
	Ст. откл. Standard deviation	0,4	0,8	0,6
	p	0,66	0,05	0,17

Таблица 4. Корреляционная матрица результатов исследования национальной идентичности и исторического опыта армянских респондентов

Table 4. Correlation matrix of the results of studying national identity and personal historical experience of Armenian respondents

Исследуемые параметры <i>Investigated parameters</i>		Армяне в Армении <i>Armenians in Armenia</i>			Армяне в России <i>Armenians in Russia</i>		
		Выраженность исторического опыта <i>Manifestation of personal historical experience</i>			Выраженность исторического опыта <i>Manifestation of personal historical experience</i>		
		Чувство гордости <i>Feeling of pride</i>	Чувство вины и стыда <i>Feelings of guilt and shame</i>	Чувство горечи и боли <i>Feelings of bitterness and pain</i>	Чувство гордости <i>Feeling of pride</i>	Чувство вины и стыда <i>Feelings of guilt and shame</i>	Чувство горечи и боли <i>Feelings of bitterness and pain</i>
Гражданская идентичность <i>Civil identity</i>	Патриотизм <i>Patriotism</i>	0,06	-0,02	-0,03	0,23	0,09	0,04
	Национализм <i>Nationalism</i>	-0,07	-0,02	0,04	-0,04	0,09	0,05
Типы этнической идентичности <i>Types of ethnic identity</i>	Позитивная идентичность <i>Positive identity</i>	-0,07	0,06	-0,05	0,19	0,08	0,01
	Этнофанатизм <i>Ethnic fanaticism</i>	-0,07	-0,07	-0,05	-0,03	0,08	0,04
	Этноизоляционизм <i>Ethnic isolationism</i>	-0,7	0,02	0,08	0,01	0,09	0,07
	Этноэгоизм <i>Ethnic egoism</i>	0,05	-0,07	-0,05	-0,03	0,09	0,06
	Этническая индифферентность <i>Ethnic indifference</i>	0,15	0,13	-0,06	-0,02	0,05	0,00
	Этнонигилизм <i>Ethnic nihilism</i>	0,11	0,05	0,01	-0,05	0,04	-0,05

Исследуемые параметры <i>Investigated parameters</i>	Армяне в Армении <i>Armenians in Armenia</i>			Армяне в России <i>Armenians in Russia</i>		
	Выраженность исторического опыта <i>Manifestation of personal historical experience</i>			Выраженность исторического опыта <i>Manifestation of personal historical experience</i>		
	Чувство гордости <i>Feeling of pride</i>	Чувство вины и стыда <i>Feelings of guilt and shame</i>	Чувство горечи и боли <i>Feelings of bitterness and pain</i>	Чувство гордости <i>Feeling of pride</i>	Чувство вины и стыда <i>Feelings of guilt and shame</i>	Чувство горечи и боли <i>Feelings of bitterness and pain</i>
Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью <i>Evaluation of ethnicity feelings</i>	0,25	0,04	-0,00	0,22	-0,04	0,03
Оценка выраженности этнической идентичности <i>Evaluation of ethnic identity manifestation</i>	0,17	-0,04	-0,05	0,03	-0,05	-0,05

Примечание: полужирным шрифтом выделены значимые связи ($p \leq 0,05$).

Note: significant correlations are shown in bold ($p \leq 0.05$).

Обсуждение результатов

В результате исследования была выявлена высокая выраженность этнической идентичности армянских респондентов из Армении и России, соответственно, они в полной мере ощущают себя представителями своего народа, при этом их чувства можно охарактеризовать как гордость за свой народ. Наиболее выраженным типом этнической идентичности в обеих группах респондентов, по данным исследования, является позитивная этноидентичность, т. е. сочетание положительного отношения к собственному народу с таким же отношением к другим народам. По результатам исследования можно сделать вывод об актуальности этничности в группах респондентов из Армении и России, поскольку выраженность этнической индифферентности, характеризующейся размыванием этнической идентичности, ниже среднего уровня. Выраженность гражданской идентичности в данных группах также выше среднего по обоим параметрам (национализм и патриотизм).

Результаты исследования не выявили значимых различий выраженности этнической и гражданской идентичностей в исследуемых группах, однако показали разную взаимосвязь исследуемых компонентов национальной идентичности. В группе представителей титульного армянского этноса выявлена отрицательная связь национализма с выраженностью этнической идентичности, оценкой чувств, связанных с этнической принадлежностью, позитивной этноидентичностью, этноизоляционизмом и положительная – с этнонигилизмом, этноиндифферентностью и этноэгоизмом. Патриотизм отрицательно связан с позитивной этноидентичностью и положительно – с этнонигилизмом.

В группе представителей диаспоры, напротив, уровень национализма и патриотизма положительно связан с уровнем позитивной этноидентичности и отрицательно – с этнонигилизмом, а уровень патриотизма – с гордостью за свою этническую группу.

Таким образом, структура национальной идентичности в исследуемых группах совершенно разная: в титульном армянском этносе выявлено противопоставление народа как этнической общности и государства как системы. Принадлежность к исторически сложившейся этнокультурной общности вызывает у респондентов чувство гордости, что отрицательно связано с оценкой социально-политической системы страны и стремлением найти положительные аспекты в настоящем и будущем государства.

Представители армянской диаспоры России этничность рассматривают в контексте принадлежности к государству, при этом позитивная этноидентичность связана с патриотизмом, с гордостью за всю страну, ее прошлое и будущее. Можно говорить о том, что этническая идентичность не противопоставляется гражданской, а является ее органичным элементом; этническая инаковость становится отличительной чертой, особенностью национального самосознания. Осознание своих культурных отличий представителями диаспоры вызывает желание быть достойными представителями своей этнической группы, а также влияет на формирование образа представителей этнокультурной общности в глазах этнического большинства. Как показали результаты ряда исследований армянских респондентов – представителей диаспоры в России, большое значение для них имеют этническая солидарность, поддержка соотечественников и формирование позитивного образа представителей этноса, что обусловлено традиционной полиэтничностью страны и региона, а также давней «укорененностью» армянской диаспоры в социокультурной и политической структуре Кубани [29].

Как показали результаты исследования особенностей исторического опыта представителей титульного армянского этноса и армянской диаспоры в России, при определенном совпадении «точек кристаллизации»

исторического опыта данных групп есть существенные различия. У представителей титульного этноса более дифференцированное и многогранное представление об исторических событиях и знаковых исторических личностях Армении. Для коренных жителей Армении наиболее значимыми являются исторические события, связанные с военными победами, борьбой за территориальную целостность, а также события, связанные с формированием и сохранением этнокультурной идентичности, в частности, – принятие христианства, создание письменности. Для российских армян наиболее значимыми историческими вехами являются как события истории армянского народа, так и России и Советского Союза, а «точкой сбора нации», как и у их русских сверстников, является Великая Отечественная война [30].

Анализ особенностей ценностно-смысловых доминант исторического опыта представителей исследуемых групп показал, что «ядром» исторического опыта армян является коллективная память о «Великой Армении», воплощенная в фигуре Тиграна II Великого. Олицетворением армянского народа в сознании респондентов выступают, прежде всего, правители, полководцы и лидеры национально-освободительного движения, защищавшие территориальную целостность Армении, а также просветители и деятели церкви, оказавшие значительное влияние на формирование этнокультурной идентичности армян. Армянские респонденты из диаспоры олицетворением народа считают не только представителей армянского народа, но и российских и советских исторических деятелей, а также этнических армян – выдающихся представителей диаспоры.

Результаты исследования переживания исторического опыта показывают, что выраженность чувства вины и стыда за историю своего народа значимо выше в группе армян из Армении, чем армян из России, тогда как интенсивность чувства гордости и боли за свое историческое прошлое существенно не различается. По сравнению с чувством гордости за свое историческое прошлое, чувства стыда и боли занимают значительно меньшее место, и именно гордость за свой народ в определенных исторических ситуациях является психологическим основанием формирования общности.

Интенсивность переживания гордости за историю своего народа в группах респондентов из России и Армении связана с разными элементами национальной идентичности. В группе респондентов из Армении чувство гордости связано с выраженностью этничности и гордостью за свою этническую группу. У российских армян выраженность чувства гордости за события в истории своего народа положительно коррелирует с гордостью за этническую группу, позитивной этноидентичностью и уровнем патриотизма.

Таким образом, гордость за свой народ является эмоциональным фактором, который цементирует все составляющие национальной идентичности и создает основу формирования общности. У респондентов из Армении

национальная идентичность определяется, прежде всего, идентичностью с этническими армянами и их достижениями, а не гражданской общностью. У представителей армянской диаспоры России национальная идентичность включает связанные между собой этническую и гражданскую идентичности, при этом позитивная этноидентичность положительно коррелирует с гордостью не только за свой этнос, но и за страну проживания в целом.

Выводы

Исторический опыт является важным фактором формирования национальной идентичности личности, при этом гордость за свой народ в определенных исторических ситуациях является психологическим основанием формирования и сохранения общности.

Социокультурная ситуация (принадлежность к титульному этносу или диаспоре) значимо влияет на особенности взаимосвязи исторического опыта и национальной идентичности армянской молодежи:

- в условиях титульного этноса у армянских респондентов из Армении чувство гордости связано с выраженностью этничности и гордостью за свою этническую группу; национальная идентичность определяется, прежде всего, идентичностью с этническими армянами и их достижениями, а не гражданской общностью;
- в условиях диаспоры у представителей армянской диаспоры России исторический опыт личности связан с историей России, Армении и армянских диаспор. Особенностью национальной идентичности армянской молодежи России является тесная связь этнической и гражданской идентичностей, при этом положительная этническая идентичность связана с гордостью как своей этнической группой, так и всей страной проживания.

Литература

1. Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. Т. 59, № 11. С. 91–102.
2. Знаков В. В., Рябикина З. И. *Психология человеческого бытия*. М.: Смысл, 2017. 416 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Европа, 2007. 612 с.
4. Аполлонов И. А., Тучина О. Р. *Исторический опыт: попытка концептуализации* // *Научные труды Кубанского государственного технологического университета*. 2014. № 3. С. 26–37.
5. Кон И. С. *Проблема истории в истории философии* // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 4. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1966. С. 14–55.

6. *Левада Ю. А.* Историческое сознание и научный метод // Памяти Юрия Александровича Левады. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. С. 298–352.
7. *Леопа А. В.* Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2011. 134 с.
8. *Сыров В. Н.* В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.
9. *Schudson M.* The present in the past versus the past in the present // Communication. 1989. Vol. 11. P. 105–113.
10. *Гришина Н. В.* Экзистенциальный опыт: эмпирические описания // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. Том 1. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2013. С. 383–386.
11. *Знаков В. В.* Непостижимое и таинственное в экзистенциальном опыте субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. Том 1. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2013. С. 394–398.
12. *Касавина Н. А.* Экзистенциальный опыт: переживание пути и становления структуры // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 63–72.
13. *Тучина О. Р.* Исторический опыт в контексте экзистенциального опыта личности // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2016. № 6. С. 321–333.
14. *Аполлонов И. А., Тарба И. Д.* Национальная идентичность и исторический опыт в контексте глобализации // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2015. № 6. С. 218–231.
15. *Berberyan A. S., Berberyan H. S.* Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. № 9 (1). P. 121–137. DOI: [10.11621/pir.2016.0109](https://doi.org/10.11621/pir.2016.0109)
16. *Оркени А., Секельи М.* Идентичность диаспор в пограничных областях Восточной Европы // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Том 17, № 1. С. 73–95.
17. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1991. Vol. 1, № 1. P. 83–99. DOI: [10.1353/dsp.1991.0004](https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004)
18. *Smith T. W. & Kim S.* National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04 // International Journal of Public Opinion Research. 2006. Vol. 18, Issue 1. P. 127–136. DOI: [10.1093/ijpor/edk007](https://doi.org/10.1093/ijpor/edk007)
19. *Абакумова И. В., Гришина А. В., Ермаков П. Н.* Организация психологического сопровождения детей беженцев и вынужденных переселенцев

- из регионов локальных военных конфликтов. Учебно-методическое пособие. М.: КРЕДО, 2015. 48 с.
20. *Dabag M., Platt K.* Diaspora und das Kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // *Identität in der Fremde* / M. Dabag und K. Platt (Hrsg.). Bochum: Norbert Brockmeyer, 1993. P. 117–145.
  21. *Smith A. D.* *National Identity*. Reno, Nevada: University of Nevada Press, 1991. 226 p.
  22. *Shain Y.* Democrats and Secessionists: US Diasporas as Regime Destabilizers // *International Migration and Security* / M. Weiner (Ed.). Routledge, 1993. P. 287–322.
  23. *Tölölyan Kh.* Elites and Institutions in the Armenian Transnation // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2000. Vol. 9, № 1. P. 107–136. DOI: [10.1353/dsp.2000.0004](https://doi.org/10.1353/dsp.2000.0004)
  24. *Tölölyan Kh.* *Diaspora Studies: Past, present and promise*. Vol. 55. International Migration Institute. University of Oxford. Working Papers Series, 2012. 14 p.
  25. *Hettlage R.* *Diaspora. Umrisse zu einer soziologischen Theorie* // *Identität in der Fremde* / M. Dabag und K. Platt (Hrsg.). Bochum: Norbert Brockmeyer, 1993. P. 75–105.
  26. *Brah A.* *Cartographies of Diaspora: Contesting Identities*. London and New York: Routledge, 1996. 276 p.
  27. *Тощенко Ж. Т., Чантыкова Т. И.* Диаспора как объект социологического исследования // *Социологические исследования*. 1996. № 12. С. 33–42.
  28. *Григорян Л. К.* Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // *Культурно-историческая психология*. 2013. № 3. С. 22–31.
  29. *Берберян А. С., Тучина О. Р.* Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 3. С. 178–196. DOI: [10.21702/rpj.2016.3.11](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.11)
  30. *Тучина О. Р.* Национальная идентичность и исторический опыт личности: психологический аспект (на материале исследования русской молодежи Кубани) // *Человек. Сообщество. Управление*. 2017. Т. 18, № 1. С. 30–44.

References

1. Semenenko I. S. Nation, nationalism, and national identity: New perspective of scientific discourse. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2015, V. 59, no. 11, pp. 91–102 (in Russian).
2. Znakov B. V., Ryabikina Z. I. *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of human existence]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 416 p.

3. Ankersmit F. R. *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [Sublime historical experience]. Moscow, Evropa Publ., 2007. 612 p.
4. Apollonov I. A., Tuchina O. R. Historical experience: An attempt at conceptualization. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Scientific works of KubSTU*, 2014, no. 3, pp. 26–37 (in Russian).
5. Kon I. S. The problem of history in the history of philosophy. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki. Vyp. 4.* [Methodological and historiographical issues of historical science: Issue 4]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1966, pp. 14–55.
6. Levada Yu. A. Historical consciousness and scientific method. In: *Pamyati Yuriya Aleksandrovicha Levady* [In memory of Yuri Alexandrovich Levada]. Moscow, Karpov E. V. Publ., 2011, pp. 298–352.
7. Leopa A. V. *Istoricheskoe soznanie v usloviyakh sotsiokul'turnogo krizisa* [Historical consciousness under the conditions of socio-cultural crisis]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2011. 134 p.
8. Syrov V. N. What historical consciousness do we need: On the methodology of the approach and the practice of use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2013, no. 1 (21), pp. 183–190 (in Russian).
9. Schudson M. The present in the past versus the past in the present. *Communication*, 1989, V. 11, pp. 105–113.
10. Grishina N. V., Zhuravlev A. L. (ed.) *Ekzistentsial'nyi opyt: empiricheskie opisaniya* [Existential experience: Empirical descriptions]. *Chelovek, sub"ekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu A. V. Brushlinskogo* [Person, subject, personality in modern psychology: Proc. the International Conference, dedicated to the 80th anniversary of A. V. Brushlinsky]. Moscow, Institute of Psychology, RAS Publ., 2013, V. 1, pp. 383–386.
11. Znakov B. V., Zhuravlev A. L. (ed.) *Nepostizhimoe i tainstvennoe v ekzistentsial'nom opyte sub"ekta* [Incomprehensible and mysterious in the existential experience of the subject]. *Chelovek, sub"ekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu A. V. Brushlinskogo* [Person, subject, personality in modern psychology: Proc. the International Conference, dedicated to the 80th anniversary of A. V. Brushlinsky]. Moscow, Institute of Psychology, RAS Publ., 2013, V. 1, pp. 394–398.
12. Kasavina N. A. Existential experience: Experiencing the way and formation of the structure. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2013, no. 7, pp. 63–72 (in Russian).

13. Tuchina O. R. Historical experience in the context of personal existential experience. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Scientific Works of KubSTU*, 2016, no. 6, pp. 321–333 (in Russian).
14. Apollonov I. A., Tarba I. D. National identity and historical experience in the context of globalization. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Scientific Works of KubSTU*, 2015, no. 6, pp. 218–231 (in Russian).
15. Berberyan A. S., Berberyan H. S. Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016, no. 9 (1), pp. 121–137. DOI: [10.11621/pir.2016.0109](https://doi.org/10.11621/pir.2016.0109)
16. Örkény A., Székelyi M. Identities of diasporas in boundary regions of Eastern Europe. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*, 2016, V. 17, no. 1, pp. 73–95 (in Russian).
17. Safran W. Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. *Diaspora*, 1991, V. 1, no. 1, pp. 83–99. DOI: [10.1353/dsp.1991.0004](https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004)
18. Smith T. W., Kim S. National pride in comparative perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*, 2006, V. 18, Issue 1, pp. 127–136. DOI: [10.1093/ijpor/edk007](https://doi.org/10.1093/ijpor/edk007)
19. Abakumova I. V., Grishina A. V., Ermakov P. N. *Organizatsiya psikhologicheskogo soprovozhdeniya detei bezhentsev i vynuzhdennykh pereselentsev iz regionov lokal'nykh voennykh konfliktov* [Psychological support for children of refugees and internally displaced persons from the regions of local military conflicts]. Moscow, KREDO Publ., 2015. 48 p.
20. Dabag M., Platt K. Diaspora und das Kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora. In: M. Dabag und K. Platt (Hrsg.). *Identität in der Fremde*. Bochum, Norbert Brockmeyer, 1993, pp. 117–145.
21. Smith A. D. *National identity*. Reno, Nevada, University of Nevada Press, 1991. 226 p.
22. Shain Y. Democrats and secessionists: US diasporas as regime destabilizers. In: M. Weiner (ed.) *International migration and security*. Routledge, 1993, pp. 287–322.
23. Tölölyan Kh. Elites and institutions in the Armenian transnation. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 2000, V. 9, no. 1, pp. 107–136. DOI: [10.1353/dsp.2000.0004](https://doi.org/10.1353/dsp.2000.0004)
24. Tölölyan Kh. *Diaspora studies: Past, present and promise*, V. 55. International Migration Institute, University of Oxford, Working Papers Series, 2012. 14 p.
25. Hettlage R. Diaspora. Umriss zu einer soziologischen Theorie. In: M. Dabag und K. Platt (Hrsg.). *Identität in der Fremde*. Bochum, Norbert Brockmeyer, 1993, pp. 75–105.

26. Brah A. *Cartographies of diaspora: Contesting identities*. London and New York, Routledge, 1996. 276 p.
27. Toshchenko Zh. T., Chaptukova T. I. Diaspora as an object of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1996, no. 12, pp. 33–42 (in Russian).
28. Grigoryan L. K. Patriotism and nationalism in Russia: Influence on economic independence. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2013, no. 3, pp. 22–31 (in Russian).
29. Berberyan A. S., Tuchina O. R. Studying self-understanding of ethno-cultural identity in the titular Armenian ethnic group and in the Armenian diaspora in Russia. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 3, pp. 178–196 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2016.3.11](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.11)
30. Tuchina O. R. National identity and personal historical experience: A psychological aspect (a case study of Russian youth in the Kuban region). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*, 2017, V. 18, no. 1, pp. 30–44 (in Russian).